

9. Широкая М. Ю. Роль субъективной оценки профессионального времени в формировании неблагоприятных состояний учителя / М. Ю. Широкая // *Личность как субъект организации времени своей жизни* : сб. науч. ст. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2008. – С. 263–265.

10. Ясько Б. А. Психология личности и труда врача : курс лекций / Б. А. Ясько. – Ростов н/Д, 2005. – 336 с.

References

1. Abulkhanova K. A. T.N. Berezina. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* / K. A. Abulkhanova. – SPb. : Aleteya, 2001. – 293 s.

2. Arkhangelskiy G. A. *Organizatsiya vremeni. Ot lichnoy effektivnosti k razvitiyu firmy* / G. A. Arkhangelskiy. – 2-e izd. – SPb. : Piter, 2006. – 448 s.

3. Arkhangelskiy G. A. *Taym-drayv: kak uspevat zhit i rabotat* / G. A. Arkhangelskiy. – M. : Mann, Ivanov, Ferber, 2005. – 240 s.

4. Golovakha Ye. I. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* / Ye. I. Golovakha. – Kiev : Naukova Dumka, 1984. – 127 s.

5. Grigorovskaya N. Yu. *Osobennosti osoznavaemogo i neosoznavaemogo komponenta lichnostnoy organizatsii vremeni*. : dis. ... kand. psikhol. nauk / N. Yu. Grigorovskaya. – M., 1999. – 167 s.

6. Kalinin S. I. *Taym-menedzhment. Praktikum po upravleniyu vremenem* / S. I. Kalinin. – Spb. : Rech, 2006. – 372 s.

7. Rean A. A. *Prakticheskaya psikhodiagnostika lichnosti* : ucheb. pos. / A. A. Rean. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. – 224 s.

8. Florovskiy S. Yu. *Kompetentnost vo vremeni kak obmenivaemyy lichnostnyy re-surs: nekotorye sotsialno-psikhologicheskie aspekty taym-menedzhmenta* / S. Yu. Florovskiy // *Lichnost kak subekt organizatsii vremeni svoey zhizni* : sb. nauch. st. – Краснодар : Kuban-skiy gos. un-t, 2008. – S. 214–222.

9. Shirokaya M. Yu. *Rol subektivnoy otsenki professionalnogo vremeni v formirovaniy neblagopriyatnykh sostoyaniy uchitelya* / M. Yu. Shirokaya // *Lichnost kak subekt organizatsii vremeni svoey zhizni* : sb. nauch. st. – Краснодар : Kubanskiy gos. un-t, 2008. – С. 263–265.

10. Yasko B. A. *Psikhologiya lichnosti i truda vracha* : kurs lektsiy / B. A. Yasko. – Ростов n/D, 2005. – 336 s.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ИНСТИТУТ АРТИКУЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА¹

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: nvgrishin@mail.ru

Выборы традиционно определяются как основная форма артикуляции политических интересов общества. Вопрос о деформации политического мнения общества в процессе данной артикуляции остается в тени. В статье предложен критический подход к оценке избирательной системы как института артикуляции политических интересов. Выявлены основные виды деформаций общественного мнения и электорального поведения в процессе голосования. Рассмотрен вопрос об оптимизации функции выражения общественного мнения в рамках избирательного процесса.

Ключевые слова: избирательная система, артикуляция политических интересов, электоральная артикуляция, общественное мнение, выборы

ELECTORAL SYSTEM AS INSTITUTE OF INTEREST ARTICULATION

Grishin Nikolay V., D.Sc. (Political Science), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: nvgrishin@mail.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-03-00252 «Оптимизация избирательной системы России: от санации к развитию».

Elections are traditionally defined as the main form of political articulation of the public interest. The question of the deformation of political opinion in this form of articulation remains obscure. This paper proposes a critical approach to the electoral system as an institution of the articulation of political interests. The article reveals the main types of deformations of public opinion and voting behavior in the voting process. The problem of optimizing the function expression of public opinion in the electoral process.

Keywords: electoral system, the articulation of political interests, electoral articulation, public opinion, elections

В политической науке существуют две традиции – как признавать за выборами то, что они выражают объективное общественное мнение, так и отрицать это свойство выборов.

Г. Алмонд, определивший выборы как основную форму артикуляции политических интересов общества [1], явно принадлежал к первой традиции. К сожалению, убежденность классика сравнительной политологии в этом была столь велика, что он даже не попытался обосновать свою позицию по этому вопросу. Его доверие результатам выборов как выражению политических интересов общества (даже в условиях демократической системы) можно назвать если не догматичным, то, по меньшей мере, недостаточно критичным.

Г. Алмонд, отмечая богатое многообразие методов политической артикуляции, первенствующее значение признавал за «голосованием на выборах». При этом результаты выборов Г. Алмонд называл «конечным выражением предпочтений индивидов» [1].

Среди всех форм артикуляции политических интересов выборы занимают исключительное положение по нескольким важным критериям. В первую очередь, эта форма артикуляции отличается наибольшей массовостью и формализацией.

Однако тезис, что результаты выборов служат «конечным выражением предпочтений индивидов» отражает определенную методологическую позицию. Деформации артикуляции политических интересов могут представляться пренебрежимо малыми только с методологических позиций объективизма. Это как раз и было характерно для структурного функционализма Г. Алмонда – создателя теории артикуляции интересов.

Общественная наука последующего периода в большей степени базировалась на методологических принципах субъективизма и номинализма. В русле этих установок процесс артикуляции трактуется как постмодернистская игра символов. По нашему мнению, именно так можно оценивать, в частности, теорию политической артикуляции Э. Лаклау [8].

По нашему мнению, оба данных подхода к феномену политической артикуляции сходятся в том, что снимают проблему деформаций между объективными политическими интересами общества и результатами артикуляции (результатами голосования). Объективизм Г. Алмонда не видит этой проблемы, поскольку считает артикуляцию вполне адекватным отражением объективных политических интересов. Постмодернизм не видит этой проблемы, поскольку игнорирует вопрос об объективных общественных интересах, которые существуют еще до их обнаружения в процессе артикуляции.

В связи с этим теоретический вопрос о том, насколько институт выборов адекватно отражает объективные политические предпочтения общества, не получает достаточного внимания. Вопрос о деформациях общественного мнения в процессе артикуляции не может быть не только решен, но даже поставлен в рамках крайнего субъективизма или объективизма.

Между тем этот теоретический вопрос имеет самое прямое и практическое значение именно для выборов в России. В то время как в странах западной демократии выборы в основном выполняют функцию формирования органов власти, главная функция выборов в России, – именно функция выражения общественного мнения [6]. В наибольшей степени это касается парламентских выборов, в которых едва ли не главным мотивом участия населения в голосовании является стремление продемонстрировать свое мнение власти, чтобы «власть нас услышала».

Свойственное для методологии объективизма пренебрежение вопросом деформаций в процессе политической коммуникации и артикуляции имеет очень глубокие философские основы. Такой основой выступает философия тождества с ее некритичным отождествлением субъекта и объекта. На эту основу опиралась и политическая теория марксизма, в частности, в вопросе о коммунистической партии, чьи интересы также некритично отождествлялись с интересами класса пролетариата.

Г. Алмонд методологически близок этому подходу. В его работах нет упоминания о том, что в обществе могут быть интересы, которые не были бы артикулированы, оказались бы «по ту сторону» артикуляции. Общественных интересов без артикуляции словно и не существует. Г. Алмонд и А. Пауэлл подчеркивали, что артикуляции подвергаются не только явные, но и латентные (внешне не выраженные) интересы [1]. Рассматривая вопрос о том, насколько результаты выборов могут отражать мнение общества в авторитарных странах, Г. Алмонд высказался, что его волнует, как результаты выборов будут оценены правящей властью, не будет ли их эффект «смазанным». Вопрос же о том, насколько эти результаты выборов объективны и соответствуют общественному мнению, остался в тени.

По нашему мнению, методологически предпочтительнее критический объективизм, лишенный крайностей – отождествления субъекта и объекта. В рамках этого подхода представляется, что деформации в процессе политических коммуникаций неизбежны. Деформации могут быть глубокими и значительными, быть причиной принципиального несоответствия результатов артикуляции и объективных общественных предпочтений. Деформации артикуляций на выборах нуждаются в оценке. Целесообразно сформулировать выводы о том, какие черты избирательной системы способствуют искажению или, напротив, адекватному отражению общественных предпочтений в результате голосования.

Постановка проблемы об ограничивающих факторах в процессе артикуляции не нова. О воздействии «правил игры» на процесс артикуляции интересов писал А.И. Соловьев [14]. Но вопрос о конкретных формах деформаций общественного мнения в процессе голосования на выборах нуждается в прояснении.

Рассмотрим вопрос о влиянии явки на репрезентативность итогов голосования. Голосование на выборах – самая массовая форма артикуляции политических интересов, в которых участвует большинство населения. Но достаточно ли велика эта доля участия, чтобы отождествлять ее результаты со всем обществом в целом? Как оценить политические интересы абсентеистов, которые не пользуются этой формой политической артикуляции?

Распространен тезис, что на выборы ходят наиболее политические активные граждане. Электоральная активность иногда отождествляется с политической, гражданской активностью. Этот тезис может стать основой для заблуждения, что граждане, не посещающие выборы, в целом отличаются меньшей политической активностью и не имеют сформировавшихся политических интересов.

Электоральная активность и политическая активность населения, по нашему мнению, не тождественны. Неправильно определять абсентеистов как политически менее активных граждан. Более того, есть основания предполагать, что в действительности происходит наоборот. Социальные группы, уклоняющиеся от голосования на выборах, – это горожане, жители больших городов, лица с высшим образованием, представители интеллигенции и «свободных профессий». Электоральный пассив – это политически самые активные слои общества. Именно эти социальные группы активнее используют все иные формы политической артикуляции, в том числе прямое политическое действие. Более того, именно эти социальные группы отличаются наиболее устойчивыми и выраженными партийно-идеологическими убеждениями. Таким образом, этим группам абсентеистов как раз есть что сказать на выборах, и их отсутствие на выборах не может не повлиять на общие итоги голосования.

Феномен «политически активных абсентеистов» подтверждается не только российским эмпирическим материалом, но и опытом западных демократий. Если в России самая низкая явка на выборах в Москве, то в США – в Нью-Йорке и Калифорнии. В США, как и в России, наибольшей электоральной активностью отличаются терри-

тории, которые можно отнести к «патриархальной глубинке». Именно эти избиратели (в России – жители национальных и мусульманских республик и районов) создают значимый «перекос» в свою пользу в общей итоговой картине голосования. Аналогичная картина и в других странах. Таким образом, эмпирический материал полностью подтверждает, что электоральный абсентеизм более всего распространен среди политически самых активных социальных групп.

В связи с этим мы предлагаем следующую гипотезу. Электоральный абсентеизм политически активных социальных групп объясняется меньшей степенью доверия к институту выборов и склонностью к иным формам артикуляции политических интересов. Граждане с партисипативной культурой предпочитают иные, более сложные (и требующие больших усилий) формы артикуляции своих политических интересов. Данная тенденция может быть интерпретирована следующим образом. Можно предположить, что представители активных и инновационных социальных групп менее охотно готовы ограничивать свой политический выбор тем набором альтернатив, которые они получают в избирательном бюллетене. Они отличаются меньшей готовностью принимать язык избирательной системы для выражения своих политических взглядов. Данное недоверие к выборам – проявление той самой «креативности» этих социальных групп, которые наиболее близки к тому, чтобы создавать свой язык, на котором они собираются говорить с властью и обществом.

Таким образом, недостаточное присутствие на выборах политически самых активных социальных групп, обладающих самыми сформированными политическими взглядами, не может не исказить итоговые результаты голосования. Эта ситуация является общей как для стран с западной демократией, так и для транзитивных стран.

В специфической российской ситуации мы наблюдаем, что уклонение от участия в голосовании достигает огромных масштабов. Например, в октябре 2012 г. в Астрахани на довыборах депутатов областной Думы явка составила 8 %. В подобных случаях отождествлять результаты голосования с политическими взглядами общества недопустимо.

Абсентеизм на выборах является слабостью института выборов. В целом можно оценить положительно усилия некоторых государств по максимизации участия населения в голосовании. Рассмотрим вопрос о возможных деформациях политического мнения тех граждан, которые участвуют в голосовании. По нашему мнению, в официальных результатах голосования может присутствовать противоречие между экстенциями и интенциями электорального выбора граждан.

Экстенции электорального выбора – это интерпретация результатов голосования в рамках языка избирательной системы. Например, если за «Справедливую Россию» проголосовало 13 %, то следует вывод, что 13 % избирателей являются сторонниками «Справедливой России».

Интенции электорального выбора – политические предпочтения граждан, существующие вне зависимости от перечня кандидатов в избирательном бюллетене, и намерения, обусловившие сделать данный выбор.

Даже в идеале избирательная система не может обеспечить абсолютное соответствие политических предпочтений населения и официальных результатов голосования. Если результаты выборов и являются *vox populi* («гласом народа»), то этот «голос» говорит не на собственном языке, а на языке избирательной системы. Но избирательная система создается правящей элитой, профессиональными политиками. Особенности избирательной системы в любом случае вносят искажения в электоральное поведение населения.

Деформации электорального выбора в процессе голосования мы классифицируем следующим образом:

1. *Несоответствие идей.* Не всегда избиратель может найти среди кандидатов (партий) представителя своих политических взглядов. Эта проблема касается не уровня политической культуры населения, а несовершенства политической коммуникации. В данном случае избирателю приходится ориентироваться между партиями, среди которых нет представителя наиболее близкой ему программы. При этом элек-

торальный выбор некорректно интерпретировать как приверженность избирателя идеям той партии, за которую он в итоге отдал свой голос.

В российской политике немало примеров, когда представители популярных политических идей отсутствуют в избирательном бюллетене. В частности, леворадикальные партии получали существенную поддержку в России в 1990-е гг., но впоследствии не допускались до выборов. До выборов не допускаются также фашиствующие политики, хотя они могут иметь «свой» электорат в обществе. Подобные электоральные ограничения, вероятно, оправданы, в том случае, когда речь идет об ограничении политического участия экстремистов.

К этому виду деформаций можно отнести и несоответствия в формулировке политических идей. Политические идеи и программы кандидатов не возникают непосредственно из общественного сознания, но создаются ограниченными группами профессионалов. Только в рамках методологии объективизма политические программы кандидатов можно оценивать как абсолютно совпадающие с идеями их избирателей. Другие методологические позиции заставляют сделать акцент на субъективности программ кандидатов. Габитусы кандидатов и избирателей являются «схемами восприятия», которые деформируют политическую коммуникацию. Эта проблема усугубляется в обществе с нарушенной политической коммуникацией и глубоким расслоением между элитами и массами.

Таким образом, несоответствие идей – это противоречие между интенциями и экстенциями электорального выбора, основанное на несовпадении (не полном совпадении) политических идей партий и их избирателей.

2. Несоответствие субъектов. Кандидат (партия) может получить слабую поддержку не по причине непопулярности своих политических идей, а вследствие низкого личного доверия. Субъективированный политический капитал кандидата может быть существенно слабее его политической программы и снизить итоговый результат голосования. Слабость субъективированного политического капитала может заключаться в его недостаточной известности, отсутствии харизмы, компрометирующих обстоятельствах и т.д. Политики со слабым субъективированным политическим капиталом не могут мобилизовать сторонников своих идей.

Данную ситуацию иллюстрируют многочисленные примеры выборов 2000-х гг., когда, например, либеральную альтернативу представляли такие не бесспорные политики, как А. Богданов и др. На всех президентских выборах в 2000-е гг. обязательно присутствует один кандидат, представляющий либеральную альтернативу (И. Хакамада, А. Богданов, М. Прохоров). Уровень поддержки этих кандидатов зачастую интерпретируют как уровень популярности либеральных идей. Конечно, результат голосования за А. Богданова на президентских выборах 2008 г. некорректно отождествлять с уровнем популярности либеральных идей в российском обществе.

На президентских выборах 2004 г. коммунистическое движение представлял недостаточно «раскрученный» Н. Харитонов, а ЛДПР – О. Малышкин. Оба они получили существенно меньше, чем получали лидеры этих партий на предыдущих выборах. И их результат не отражает падение популярности соответствующих политических идей среди населения.

Таким образом, несоответствие субъектов – это противоречие между интенциями и экстенциями электорального выбора, основанное на несоответствии кандидатов их политическим программам.

3. Деформации мотиваций. На электоральный выбор избирателя решающее значение может оказать конъюнктура на выборах.

Заградительный барьер является мощнейшим фактором, искажающим мотивацию поведения избирателей при голосовании по пропорциональной избирательной системе. Согласно документам ПАСЕ, высокий заградительный барьер ущемляет права малых партий. Но высокий заградительный барьер не только лишает их шансов на прохождение в парламент, но лишает их и части избирателей. Высокий заградительный барьер мотивирует граждан ориентироваться не на те партии, которые наиболее соответствуют их политическим взглядам, но на партии, которые имеют реальные шансы на прохождение в парламент. Например, в последних парламент-

ских кампаниях было очевидно, что шанс на прохождение в Госдуму имеют только 4 политические партии. Как следствие, некоторые избиратели, не желавшие, чтобы их голос «пропал», выбирали не партию, которая наиболее точно отражает их политические взгляды, но выбирали из числа «проходных» партий.

К деформациям мотивации можно отнести и иные примеры влияния краткосрочной конъюнктуры, связанные со случайными событиями, чрезвычайными обстоятельствами и т.д.

Таким образом, мы представили свое видение деформаций, возникающих при артикуляции политических интересов общества на выборах. Общий вывод не должен привести нас к скепсису, к тотальному отрицанию положительного содержания официальных результатов выборов. Ведь само понятие деформаций подразумевает, что отражение политических интересов общества в результатах выборов присутствует. Безосновательно отрицать ценность результатов голосования для выявления объективных политических интересов общества.

Проблема в том, чтобы минимизировать возможные деформации артикуляции политических интересов при голосовании на выборах. Этот путь ведет к оптимизации функции избирательной системы по артикуляции политических интересов общества. Эта задача касается конкретных рекомендаций для избирательной системы.

Деформации артикуляции, возникающие вследствие несоответствия идей и несоответствия субъектов, могут быть минимизированы за счет общих мер по либерализации избирательного процесса. Снятие излишних барьеров при выдвижении кандидатов (партий) должно сопровождаться демократизацией политической коммуникации в обществе. Без развития гражданской самоорганизации меры по либерализации избирательной системы могут быть недостаточными. Только при этих условиях можно прогнозировать, что политические идеи, распространенные среди населения, будут оперативно получать адекватных представителей среди участников избирательного процесса.

Относительно минимизации деформаций мотиваций можно поддержать инициативы ПАСЕ о целесообразности снижения заградительного барьера для стран, использующих пропорциональную избирательную систему. В данном случае можно прогнозировать снижение «компромиссного голосования» и увеличение электората малых партий, прежде всего, либералов.

Российский избирательный процесс, к сожалению, дает немало дополнительных поводов сомневаться в объективности официальных результатов голосования на выборах. Борьба с фальсификациями на выборах не должна заслонять задачу демократизации электоральной формулы. Демократизация избирательной системы предполагает и преодоление институциональных ловушек, искажающих электоральное поведение населения.

Список литературы

1. Алмонд Г. Артикуляция интересов / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – Режим доступа: <http://ravgoz.ru/almond-articulation>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Арбатская М. Н. Формула «догоняющего» сравнения. Особенности электоральной активности субъектов федерации в США и России / М. Н. Арбатская // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2011. – Т. 7, № 3. – С. 23–37.
3. Баранов А. В. Специфика политической модернизации России в 1990–2000-е годы (теория и реальность) / А. В. Баранов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 180–183.
4. Баранов А. В. Факторы электорального поведения в России и Украине: сравнительный анализ / А. В. Баранов // PolitBook. – 2012. – № 1. – С. 42–52.
5. Гришин Н. В. Биполярная модель структурирования геоэлекторального пространства / Н. В. Гришин // Власть. – 2009. – № 4. – С. 86–90.
6. Гришин Н. В. Институт выборов и российская государственность / Н. В. Гришин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3. – С. 405–410.
7. Карабущенко П. Л. Фальсификация фальсификации, или новейшие разработки альтернативной истории / П. Л. Карабущенко // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 1. – С. 215–224.
8. Лаклау Э. О популизме. – Режим доступа: <http://streetuniver.narod.ru/Laklau.doc>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

9. Мармилова Е. П. Соответствие избирательного законодательства РФ международным стандартам о выборах / Е. П. Мармилова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 65–69.
10. Мармилова Е. П. Формы защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы и пути оптимизации / Е. П. Мармилова // Аспирантский вестник Поволжья. – 2008. – № 5–6. – С. 128–131.
11. Морозова О. С. Влияние типа избирательной системы на функционирование политической системы / О. С. Морозова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2. – С. 175–179.
12. Морозова О. С. Политико-коммуникационные процессы в политическом управлении / О. С. Морозова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2011. – № 3. – С. 104–108.
13. Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций / О. Ф. Русакова // Политэкс. Политическая экспертиза. – 2006. – № 3. – С. 191–212.
14. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии / А. И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2000.
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М., 2004.
16. Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, C. Mouffe. London : Verso, 2001.

References

1. Almond G. Artikulyatsiya interesov / G. Almond, Dzh. Pauell, K. Strom, R. Dalton. – Rezhim dostupa: http://pavroz.ru/almond-articulation_svbodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. rus.
2. Arbatskaya M. N. Formula «dogonyayushchego» sravneniya. Osobennosti elektoralnoy aktivnosti subektov federatsii v SShA i Rossii / M. N. Arbatskaya // Politicheskaya ekspertiza: Politeks. – 2011. – Т. 7, № 3. – С. 23–37.
3. Baranov A. V. Spetsifika politicheskoy modernizatsii Rossii v 1990–2000-e gody (teoriya i realnost) / A. V. Baranov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2011. – № 2. – С. 180–183.
4. Baranov A. V. Faktory elektoralnogo povedeniya v Rossii i Ukraine: sravnitelnyy analiz / A. V. Baranov // PolitBook. – 2012. – № 1. – С. 42–52.
5. Grishin N. V. Bipolyarnaya model strukturirovaniya geoelektoralnogo prostranstva / N. V. Grishin // Vlast. – 2009. – № 4. – С. 86–90.
6. Grishin N. V. Institut vyborov i rossiyskaya gosudarstvennost / N. V. Grishin // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. – 2012. – № 3. – С. 405–410.
7. Karabushchenko P. L. Falsifikatsiya falsifikatsii, ili noveyshie razrabotki alternativnoy istorii / P. L. Karabushchenko // Gumanitarnye issledovaniya. – 2009. – № 1. – С. 215–224.
8. Laclau E. O populizme. – Rezhim dostupa: <http://streetuniver.narod.ru/Laklau.doc>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. rus.
9. Marmilova Ye. P. Sootvetstvie izbiratel'nogo zakonodatel'stva RF mezhdunarodnym standartam o vyborakh / Ye. P. Marmilova // Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 3. – С. 65–69.
10. Marmilova Ye. P. Formy zashchity izbiratel'nykh prav grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: problemy i puti optimizatsii / Ye. P. Marmilova // Aspirantskiy vestnik Povolzhya. – 2008. – № 5–6. – С. 128–131.
11. Morozova O. S. Vliyaniye tipa izbiratel'noy sistemy na funktsionirovaniye politicheskoy sistemy / O. S. Morozova // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2013. – № 2. – С. 175–179.
12. Morozova O. S. Politiko-kommunikatsionnyye protsessy v politicheskom upravlenii / O. S. Morozova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya. – 2011. – № 3. – С. 104–108.
13. Rusakova O. F. Osnovnyye raznovidnosti sovremennykh teoriy politicheskogo diskursa: opyt klassifikatsiy / O. F. Rusakova // Politeks. Politicheskaya ekspertiza. – 2006. – № 3. – С. 191–212.
14. Solovev A. I. Politologiya. Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii / A. I. Solovev. – М.: Аспект Пресс, 2000.
15. Sheygal Ye. I. Semiotika politicheskogo diskursa / Ye. I. Sheygal. – М., 2004.
16. Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, C. Mouffe. London : Verso, 2001.